

ограничивающие, характеризующие; 3) «связочные члены»: союзы и предлоги.

Попытка провести деление по уровням среди членов предложения, на наш взгляд, удачна и интересна. Группа «порядковых членов» действительно второго плана или уровня по сравнению с «определятельными членами»; первые членами предложения признаются связочные слова, которые обычно как таковые исключаются, хотя их роль в построении предложения очень велика. Нам кажется только преувеличенным подчинение всех частей предложения глаголу и сведение подлежащего до уровня простого добавления к глаголу.

Второй задачей, которую считает необходимой разрешить автор, является об-новление терминологии. В этом отношении, однако, он новатор более умеренный, чем Г. Глинц.

Книга И. Эрбена соответствует тому назначению, о котором говорит автор в предисловии. Она будет служить полезным руководством для преподавателей и студентов-филологов. Она содержит много плодотворных мыслей, тонких наблюдений, богатый материал. Эта работа будит мысль, заставляет размышлять и спорить, так как она не только сообщает факты, но и представляет многое в новом свете. Особенно интересны положения о валентности, ассоциативном поле, новый подход к частям речи и членам предложения. «Очерк немецкой грамматики» — интересное и заслуживающее самого широкого внимания начинание в деле создания Большой грамматики немецкого языка, которую с нетерпением ожидают германисты.

Е. И. Шендельс

И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках (серия «Библиотека филолога»), 1958. 459 стр.

Как известно, содержание, объем и метод стилистики как лингвистической дисциплины до сих пор не вполне ясны. Многие языковеды вообще считают стилистику стоящей за пределами науки о языке, предпочитая относить ее всецело к области литературоведения; в лучшем случае они признают ее наукой, занимающей пограничное положение между языкознанием и теорией литературы. Книга И. Р. Гальперина представляет несомненный общетеоретический интерес, ибо задумана в качестве опыта «лингвистической» стилистики. Этот общий замысел книги выясняется с первых же строк «Введения», которое начинается именно с рассуждения о содержании лингвистической стилистики как «сравнительного нового раздела языкознания» (стр. 7).

В книге освещаются два основных круга вопросов: во-первых, внутренний механизм и принцип выбора различных (лексических, семантических, фонетических и синтаксических) стилистических приемов; во-вторых, расслоение литературного английского языка на целый ряд речевых стилей. Исследовательский метод, принятый

в книге, представляет собой совокупность нескольких — более или менее последовательно выдерживаемых — принципов.

Первый принцип состоит в стремлении найти тот угол зрения, который дал бы возможность объединить в известную систему ряд стилистических явлений одного порядка. Описывая стилистические приемы в области семантики слов и их сочетаний, И. Р. Гальперин показывает, что в их основе лежат разнообразные вариации взаимодействия различных типов лексических значений слова, причем это взаимодействие используется в экспрессивных целях. Так, метафора, метонимия и ирония основаны на взаимодействии «словарных» и контекстуальных предметно-логических значений (стр. 123—134), случаи антономасии во всех ее разновидностях — на взаимодействии предметно-логических и «назывных» значений (стр. 135—137). Различные синтаксические приемы характеризуются с точки зрения их целенаправленного отклонения от «языковой нормы» (стр. 181 и сл.). Речевые стили И. Р. Гальперин определяет прежде всего по признаку соотношения общего и индивидуального, присущего каждому из них (стр. 343 и сл.).

Второй принцип — стремление анализировать стилистические явления в их взаимосвязи. Ср., например, связь оксюморона с делением лексики на стилистические пласты (стр. 179), связь эвфемизма и синонимии (стр. 164 и сл.), связь речевого стиля с различными стилистическими приемами (стр. 347 и сл.) и мн. др.

Третий принцип — проследивание обусловленности выбора того или иного стилистического средства содержанием высказывания или речевым заданием. Почти всегда автор подробно истолковывает причины и цели употребления конкретных стилистических приемов в приводимом им иллюстративном материале.

Применение этих трех ведущих принципов обеспечило успешное решение в книге многих крупных и частных вопросов английской стилистики. В большинстве случаев анализ стилистических явлений убедителен, приводимый иллюстративный материал выразителен и представлен в достаточном количестве. Это делает книгу И. Р. Гальперина безусловно интересной.

Однако теоретическая база книги и взятое в целом практическое решение проблемы «лингвистической» стилистики как подлинного «раздела языкознания» оставляют читателя менее удовлетворенным. Это может показаться странным после всего того, что было сказано выше о несомненных достоинствах книги, и тем не менее это так. Дело в том, что предмет «лингвистической» стилистики и ее отличие от «нелингвистической» стилистики остается и после прочтения этой книги неопределенным, а лингвистическая сущность самого метода исследования проявляется в труде И. Р. Гальперина недостаточно последовательно.

И. Р. Гальперин различает как явления разных планов «выразительные средства языка» и «стилистические приемы». Под

выразительными средствами понимаются нормализованные «морфологические, синтаксические и словообразовательные формы языка, которые служат для эмоционального или логического усиления речи» (стр. 43); под стилистическими приемами — «обобщенное, типизированное воспроизведение нейтральных и выразительных фактов языка в различных литературных стилях речи» (стр. 47). Предметом стилистического анализа И. Р. Гальперин согласен признать только стилистические приемы. Рассуждение его таково: эмоционально-возбужденное состояние говорящего может стихийно вызывать в его речи повторы, эллипсис и т. п., без какого бы то ни было расчета на стилистический эффект, и потому это не стилистические приемы (стр. 45 и др.). Следовательно, стилистики не касаются выразительные средства разговорной речи, и она должна заниматься только подлинными стилистическими приемами, употребляемыми в книжном типе речи. Практически И. Р. Гальперин в своей книге и рассматривает только образцы книжной речи (из устного типа речи — только ораторский стиль как «звучащую» разновидность все того же «книжного типа» речи). Вряд ли такое ограничение соответствует объему понятия «лингвистической» стилистики. Кроме того, оно основано, как нам представляется, на досадном недоразумении: в книге не различаются выразительные средства и выразительные особенности речи. В процессе устного общения могут появляться в речи повторы, обусловленные затрудненностью речи, сильным волнением, сбивчивостью мысли и т. п.; пропуск тех или иных существенных звеньев речевого целого, вызванный небрежностью, торопливостью, случайной частичной афазией; какой-нибудь неуклюжий полисиндетон — плод неумения выражать свои мысли, или контекстуальная словозамена, причиной которой является неправильное понимание слова, и т. п. Эти особенности речи обладают известной выразительностью: они отражают внутреннее состояние говорящего или уровень его развития, или характер его речевых навыков. Но они лишены целевой нагрузки. Поэтому их нельзя назвать выразительными средствами (т. е. способами достижения определенной цели). Стилистике до них, действительно, нет дела, исключая те случаи, когда исследуются приемы реалистического воспроизведения прямой речи персонажей в художественных произведениях. Однако и в устной разговорной речи возможно употребление сознательно избираемых языковых средств, призванных усиливать эмоциональное или интеллектуальное воздействие на слушателя. Всякое выразительное языковое средство заслуживает внимания стилистики, называемой «лингвистической». Пусть под стилистическим приемом мы условимся понимать только литературно-отработанное выразительное средство, употребляемое только в книжном типе речи; это не освобождает нас от задачи исследовать все стилистические средства

языка, в каких бы условиях речевого общения они ни проявлялись. В книге же И. Р. Гальперина разговорная речь вообще устранена из поля зрения стилистики, а «устный тип» речи получает лишь самую краткую характеристику (стр. 28—36), и дальнейшей детализации ее в разделе «Речевые стили английского литературного языка» мы не находим.

Представляется неубедительным и принципиальное отграничение «лингвистической» стилистики от обычной грамматики (в области анализа грамматических средств). «Лингвистическая стилистика», — пишет И. Р. Гальперин, — не имеет объекта изучения, отличного от грамматики; ее объект — также факты языка. Но она имеет свой предмет исследования. Этот предмет... — стилистические средства и стили речи» (стр. 5)¹. Это утверждение можно понять в том смысле, что стилистика изучает только такие грамматические средства языка, которые несут какую-то стилистическую нагрузку. Но тогда непонятно, почему автор столь категорически отказывается от изучения различных морфологических явлений, в определенных условиях несомненно используемых «со специальными стилистическими целями», как отмечает он сам на той же странице. Эти ограничения неправомерно сужают объем «лингвистической» стилистики.

Что же касается самого метода исследования, принятого в книге, то он, действительно, во многих отношениях может быть признан лингвистическим. Так, самая классификация стилистических приемов на лексико-фразеологические, синтаксические, фонетические обнаруживает стремление автора учитывать в своем анализе различные стороны языка и не смешивать воедино явления различного порядка; в интерпретации конкретных стилистических явлений используются языковедческие понятия, например учение о типах лексических значений слова, классификация лексических «пластов», синтаксическое членение предложения и т. п. Однако, как упоминалось выше, метод этот выдерживается не вполне последовательно.

И. Р. Гальперин справедливо отмечает, что «существенно необходимым для понимания природы синтаксических средств стилистики является определение нормы языка» (стр. 181). Однако предлагаемое далее определение весьма неясно: «Под нормой языка следует понимать те установившиеся в данный период его развития в литературном языке морфологические, фонетические, синтаксические и стилистические правила употребления, нарушение которых ощущается не как ошибка, а как результат проявления индивидуально-осознанных отклонений» (там же). Неизвестное объясняется через неизвестное, притом объяснение это формулируется по меньшей мере неосторожно (выходит, что любое отклонение от нормы, ...ощущаемое... как ошибка, не имеет от-

¹ Разрядка в цитатах везде моя. — Н. А.

ношения к понятию «языковой нормы»). Что же такое синтаксическая норма языка (именно она-то и важна для анализа синтаксических средств стилистики) — не сказано вовсе.

Важным для И. Р. Гальперина является и понятие литературного языка, по термину этот в его книге оказывается многозначным. Иногда он означает «общенациональную, отработанную языковую норму» (стр. 318), иногда — язык письменности (там же), а иногда — язык литературы (стр. 320). Поэтому в разделе о развитии английского языка не всегда ясно, говорит ли автор о развитии литературного языка или языка литературы (см. особенно стр. 333—335). Совершенно неправомерно и вводимое И. Р. Гальпериным понятие «речевого» (т. е. ситуативного) фразеологизма (стр. 176). Оно противоречит важнейшему признаку фразеологической единицы как устойчивого сочетания слов, воспроизводимого в речи в силу языковой традиции.

Нетрудно видеть, что большая часть критических замечаний, адресованных автору рецензируемой книги, это, собственно говоря, не столько возражения, сколько вопросы. Готовых и общепризнанных решений в той области исследования, которой И. Р. Гальперин посвятил свой труд, ни у кого еще нет. Можно только приветствовать творческие усилия исследователя, направленные на разработку сложной проблематики экспрессивных средств языка в ее лингвистическом аспекте. Большой и интересно проанализированный материал, множество тонких наблюдений, четкие обобщения (особенно в разделе о речевых стилях) — это такие серьезные достоинства книги, что независимо от того, можно ли ее назвать «лингвистической» стилистикой или нет, ее хочется без всяких колебаний порекомендовать всем тем, кого интересуют стилистические средства «книжного типа» современной английской речи.

Н. Н. Амосова

A. Booth, L. Brandwood, J. Cleave.
Mechanical resolution of linguistic problems.— London, 1958. 306 стр.

Среди работ о машинном переводе книга А. Бута, Л. Брендвуда и Дж. Клива занимает особое место, так как она является интересной попыткой найти решение вопросов, до сих пор еще не освещавшихся широко в научной литературе. Рецензируемый труд посвящен актуальнейшей проблеме применения вычислительных машин для выяснения целого ряда лингвистических вопросов и описанию результатов научно-исследовательских работ в этой области, проводившихся в течение ряда лет в Лаборатории вычислительных машин при Биркбекском колледже (Birkbeck college).

Как справедливо отмечают авторы, в области лингвистики, точно так же, как и в других сферах умственной деятельности

человека, есть процессы, требующие колоссальных затрат квалифицированного труда, механическая (т. е. наиболее трудоемкая) часть которых может с успехом выполняться современными вычислительными машинами с недоступной для человека быстротой и точностью. К таким процессам авторы относят в первую очередь перевод с одного языка на другой, составление словарей различных типов, разного рода статистические обследования языковых фактов и т. п. Авторы очерчивают круг лингвистических проблем, которые могут получить свое решение при помощи вычислительных машин, и детально описывают технику автоматического подсчета слов, использованных в текстах, и их частотного анализа. Значение механизации подобных процессов трудно переоценить при определении необходимого словарного объема при машинном переводе¹, когда лингвист сталкивается с необходимостью вручную проанализировать огромный текстовый материал.

Эти опыты по автоматизации лингвистических работ, равно как и некоторые более ранние труды в этой области², заслуживают внимания как с практической, так и с теоретической точки зрения: они являются подтверждением справедливости известного частотного закона Ципфа—Эступа, имеющего исключительную важность для составления частотных и специальных машинных словарей. Основываясь на экспериментальных данных, авторы пришли к выводу о существовании взаимосвязи между количеством заключенной в слове информации и частотой появления слова в тексте, т. е. к утверждению того, что слова с минимальной частотой появления несут максимум информации и что, следовательно, содержание высказывания определяется относительно редко появляющимися словами.

Заслуженное внимание читателя привлекает и описание опытов по автоматическому составлению словаря типа конкорданции, проводившихся параллельно в Англии Биркбекским колледжем и в США фирмой IBM. В этих работах тип традиционной конкорданции претерпел значительные изменения как в связи со спецификой методов составления словаря (в зависимости от типа машины, на которой проводятся опыты), так и в зависимости от назначения конкорданции.

Простота техники составления таких словарей при наличии соответствующих машин может и должна привести к облегчению работы их составителей путем механизации наиболее утомительных и трудоемких процессов. Расчеты показали, например, что при помощи машины можно составить полный список слов книги объема библии с указанием частоты их появления за один-два месяца.

¹ См. А. Koutsoudas, *Mechanical translation and Zipf's law*, «Language», vol. 33, № 4, 1957.

² См., например: G. Dewey, *Relative frequency of English speech sounds*, Cambridge (Mass.), 1923.